

© 1994 г. В.Г. ГУЗЕВ

# К ВОПРОСУ О СЛОГОВОМ ХАРАКТЕРЕ ТЮРКСКОГО РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

В публикациях о древнетюркской руноподобной письменности (ДТРП), появившихся в последние десятилетия, с растущей уверенностью отстаивается гипотеза о её иноязычном происхождении [1–8]. Общее впечатление от этих публикаций: отдельные загадки тюркской руники пока остаются нерешенными, и ряд фактов может быть интерпретирован иначе; исследователи отдают предпочтение анализу внешней формы письма, которая, как известно, в большей мере, чем внутренняя форма, подвержена воздействию разного рода факторов (начиная от характера письменных средств, кончая контактами с инородными культурами) и потому более изменчива; практически не используются возможности фонологической и грамматологической теорий.

Автор настоящей заметки абсолютно солидарен с О. Прицаком в том, что более точно должен быть определен характер ДТРП [6, с. 83], т.е., иными словами, необходимо уточнить представление о её внутренней форме. Однако утверждение этого автора, что В. Томсен, как и все исследователи, полагал, будто он имеет дело с буквенным письмом, представляется излишне категоричным. Напомним слова самого В. Томсена: "Обилие отдельных знаков сразу делает вероятным предположение, что загадочное письмо это не есть обыкновенный алфавит с определенным знаком для каждого отдельного звука, а что оно должно быть или письмом слоговым, или по крайней мере таким, в котором знаки для одного и того же звука в известных пределах разнообразятся, смотря по различным условиям, в которых этот звук находится" (перевод В.Р. Розена) [9, с. 327].

Одна из загадок тюркского рунического письма связана с той, пожалуй, самой броской его особенностью, которую Е.Д. Поливанов назвал "консонантным дуализмом" [10]. Одиннадцать пар знаков для десяти с о г л а с н ы х фонем (девять – для фонем: /b/, /d/, /g/, /j/, /l/, /n/, /r/, /s/, /t/ и две пары – для согласной /k/) отчетливо отражают действие нёбной гармонии г л а с н ы х в языке, которым написаны памятники, поскольку одни члены пар используются в начертаниях исключительно заднерядных, другие – переднерядных слов, словоформ и формантов.

Если вспомнить, что согласная /k/ иногда передается в надписях еще одним (пятым) знаком ("yk"), встречающимся в заднерядных графических словах, а один из двух знаков для /č/ ("ič") используется в начертаниях переднерядных слов, то придется признать, что в количественном отношении такой полноты консонантной репрезентации функционирования нёбной гармонии гласных, как в ДТРП, не обеспечивала ни одна из письменностей, которыми когда-либо пользовались тюрки, а письменность современных турок (созданная, подчеркнем, самими носителями одного из тюркских языков) вообще никак не отражает гармонию гласных посредством согласных.

Именно консонантный дуализм стал одним из факторов, которые привели Е.Д. Поливанова к мнению, что древнетюркский рунический алфавит был создан т ю р к а м и. Он писал: "Помимо "этимологий букв" за это решающим образом говорит положенный в основу алфавита сингармонистический принцип" [10, с. 179].

Древнетюркский консонантный дуализм представляет большой интерес с фонологической точки зрения. Лингвальными дифференциальными признаками в тюркских языках, как правило, обладают г л а с н ы е. Именно гласная начального слога (при этом она нередко оказывается анлаутной) обуславливает сингармонистический ряд всех единиц (фонов), составляющих слово или словоформу. Н.С. Трубецкой писал: "Так как согласный *j* не имеет палатализованных или веляризованных разновидностей, а многие слова состоят только из гласного и *j* (*aj* "месяц", *aji* "медведь" и т.д.), то гласные могут иметь определенный тембровый признак и независимо от окружающих согласных, тогда как согласные палатализируются или веляризируются лишь в сочетании с гласными ... Таким образом, противоположения по тембровому признаку у гласных являются фонематическими, тогда как палатализованные и веляризованные разновидности согласных являются лишь комбинаторными вариантами ..." [11].

Вместе с тем, именно Н.С. Трубецким было впервые сформулировано положение, согласно которому носитель языка нормально стремится к отражению на письме ф о н е м, а варианты фонем, т.е. единицы субфонемного уровня, индивидом не осознаются [12]. Это положение находится в полном соответствии с идущим от И.А. Бодуэна де Куртенэ пониманием фонемы как "фонетического представления" [13], т.е. как абстракции, складывающейся в индивидуальной языковой системе носителя на базе какого-либо конкретного класса действующих в речи функционально эквивалентных минимальных звуковых сегментов (фонов) [См.: 14].

В свете изложенного приходится констатировать, что с фонологической точки зрения явление консонантного дуализма содержит в себе два очевидных противоречия:

1. Если создатели письма были тюрками, то для манифестации палатальной гармонии гласных они и должны были опираться на г л а с н ы е своего языка. Однако в надписях налицо типичная консонантная гиперграфия (отражение на письме единиц субфонемного уровня, т.е. аллофонов согласных), имеющая следствием громоздкую аллографию (использование более одного знака для передачи одной фонемы [15]). И это явление имеет место вопреки тому, что для согласных фонем признаки палатализованности // веляризованности не могли быть фонологически релевантными.

2. А если допускать, что письмо создавалось н е т ю р к а м и (ибо только иноязычный человек мог воспринимать различие между велярными и палатальными аллофонами согласных), то вызывает недоумение наличие парных знаков для */j/* (которая, как явствует из приведенных слов Н.С. Трубецкого, не может иметь соответствующих аллофонов).

Решение загадки, как представляется, подсказывается, с одной стороны, тем, что В. Томсен, как уже было сказано выше, исходя из большого количества (38) знаков, допускал, что он имеет дело не с обыкновенным алфавитным письмом (нормальное количество знаков около 30), а со с л о г о в ы м, с другой, – тем, что мы знаем о вокалических знаках в ДТГРП.

Напомним, что первыми знаками, которые В. Томсену удалось выделить в первую очередь, были буквы для гласных:  $\rangle$  (*/u/, /o/*),  $\uparrow$  (*/y/, /i/*),  $\mathcal{N}$  (*/öl/, /ül/*); позже была установлена буква  $\uparrow$  (*/a/, /ä/*) [9, с. 332–334]. Помимо этого енисейский вариант руники, который, как теперь признается, ничуть не старше орхонского, имел еще один вокалический знак –  $\mathcal{X}$  для */ä/* или */é/* [16]<sup>1</sup>. При этом только вокалические знаки могли "то писаться, то опускаться" (В. Томсен), а знак  $\uparrow$  употреблялся почти исключительно в конце слов.

<sup>1</sup> Доводы В. Томсена в пользу того, что знак  $\mathcal{X}$  в енисейских надписях был средством передачи узкой гласной */é/*, представляются вполне корректными в рамках приводимого им материала. В его статье фигурируют только примеры, в которых этот знак передает гласную начального слога (принято считать, что узкая */é/* возможна только в первом слоге). Однако зарегистрированный исследователями случай употребления этого знака во втором слоге в словоформе *tübäm* (E-46) "мой верблюд" (см.: [17]) позволяет допускать, что он был способен передавать как */é/*, так и */ä/*.

Во-первых, само наличие "вокалических" знаков и их количество (4 + 1) вполне согласуется с предположением о слоговом характере рунического письма (поскольку именно гласные являются слогообразующими элементами). Во-вторых, состав этих знаков, точнее, их фонематическое содержание: *o/u*, *ö/ü*, *y/i*, *a/ä*, *ä/ä*, *é/é* – свидетельствует о том, что они в некоторой мере отражали лингвальные признаки передававшихся ими гласных фондов или слогов.

Если разрабатывать дальше гипотезу о слоговом характере ДТРП, то естественно допускать, что не только знаки для гласных, но и упомянутые знаки для десяти согласных фонем тоже могли быть (по крайней мере, когда-либо в прошлом) силлабограммами. "Консонантные" знаки в таком случае должны истолковываться как (может быть, бывшие) репрезентанты 22-х слогов какого-либо собственно тюркского типа. Тот факт, что "вокалический" знак для *a/ä* в абсолютном начале графического слова почти всегда отсутствует и обязательно наличествует в конце начертания слова, привел О. Прицака, как представляется, к совершенно правильному выводу: это должен был быть тип ГС (гласный плюс согласный) [6, с. 85–86]<sup>2</sup>.

В силу большой морфонологической значимости нёбной гармонии гласных каждая силлабограмма, конечно же, должна была передавать лингвальные признаки гласных, но только в составе слога в целом (отдельные вокалические знаки сначала могли попросту отсутствовать). Значит, 22 знака, о которых идет речь, на одном из этапов эволюции ДТРП вполне могли иметь следующие значения: *ab* (ʃ), *äb* (ʒ), *ad* (ʒ), *äd* (X), *ay* (ʃ), *äg* (ε), *aj* (ʃ), *äj* (ʃ), *aq* (ʃ), *äk* (ʃ), *oq/uoq* (ʃ), *ök/ük* (ʃ), *al* (ʃ), *äl* (ʃ), *an* (ʃ), *än* (ʃ), *ar* (ʃ), *är* (ʃ), *as* (ʃ), *äs* (ʃ), *at* (ʃ), *ät* (ʃ). К этому перечню необходимо добавить еще слоги: *uq* (ʃ) и *ič* (ʃ) [6, с. 86, 95].

Гипотеза о слоговом характере ДТРП, впервые высказанная самим В. Томсеном и вторично предложенная О. Прицаком, совершенно снимает те сформулированные выше противоречия, которые вскрывает фонологический анализ явления консонантного дуализма: если консонантные знаки на каком-то этапе развития письменности репрезентировали слоги, в составе которых, естественно, наличествовали гласные, то проявление лингвальных признаков последних в самом наборе и в функциональных особенностях этих гласных должно восприниматься как совершенно нормальное.

Отметим, что морфонологические свойства тюркских языков как будто бы благоприятны для формирования слогового письма. В них имеет место регулярное чередование согласных и гласных фондов в составе слов и словоформ, преобладают короткие односложные слова и морфемы (что, кстати, благоприятно и для словесно-слоговой системы письма), редки и весьма ограничены стечения согласных фондов, почти не бывает стечения гласных [Ср.: 20, с. 10–11]. Множество корней действительно имеет структуру ГС (наряду с корнями типа Г, ГСС, СГ, СГС и СГСС), которая могла лечь в основу первоначальной структуры значений (означаемых) большинства силлабограмм.

Еще одна загадка древнетюркской руники заключается в омографии, наблюдающейся при передаче переднерядной гласной */ä/* (или */é/* – В. Томсен), с одной стороны, и палатализованного аллофона согласной */b/*, с другой. В таблицах № 1 (продолжение) и № 6 Д.Д. Васильева легко обнаруживаются общие аллографы: *ḡ, ḡ, ḡ* [21], которые, согласно распространенному мнению, восходят к одному знаку – *ḡ(äb)*. Эта омография может объясняться следующим образом: если ДТРП проходила как слоговой, так и фонемный (буквенный) этапы эволюции, то при фонемизации знака со значением "*äb*", т.е. при расщеплении передававшегося им слога "*äb*" на два более

<sup>2</sup> По мнению О. Прицака, фрагмент, найденный в Тойоке (Турфан) в 1905 г. и изданный А. фон Ле Коком [18] свидетельствует в пользу этого вывода: в нем средствами манихейского алфавита передается фонетическое значение 19-ти тюркских рунических знаков. Тот же вывод на основе этого же документа был сделан – по-видимому, совершенно самостоятельно – Талатом Текином. Точка зрения последнего вызвала возражения О.Ф. Сертка [19].

коротких звуковых сегмента – фонему /ä/ и фонему /b/, бывшая силлабограмма неизбежно должна была оказаться пригодной для репрезентации каждой из этих фонем и, следовательно, переродиться сначала в две омонимичные фонемограммы (т.е. буквы), затем за счет имевшихся в наличии аллографов – в разные графемы.

Допустимо, что в данном случае рунология имеет дело с одним из путей возникновения рунических знаков: с превращением аллографов в графемы со своим фонематическим значением как с одним из составляющих процесса перехода от слогового письма к буквенному.

Третья загадка тюркской руники – наличие в ней пяти знаков для передачи согласной фонемы /k/. О. Прицак и А. Рона-Таш солидарны в том, что столь большой набор аллографов следует объяснять повышенной частотностью употребления передаваемой ими согласной фонемы в тюркской речи [6, с. 91; 7, с. 12]. Однако такое объяснение едва ли имеет под собой какое-либо теоретическое основание. Знает ли грамматология подобную закономерную связь между частотностью реализаций фонемы и количеством знаков, которые передают ее на письме?

Более убедительным представляется то объяснение, которое дает аналогичному явлению в этруссском письме И.М. Дьяконов: "Особенно показательно при этом наличие тройки *s, k, q*; назывались эти буквы соответственно "*ke*", "*ka*", "*ky*" и различались в зависимости от того, какой гласный следовал за ними в тексте – *e, a* или *u* соответственно. Понятно, о чем может свидетельствовать это обстоятельство: о наличии древнего слогового письма, в котором *s* значило "*ke*", *k* значило "*ka*", а *q* значило "*ky*", так что не было необходимости писать еще и гласный: данный знак сам по себе передавал следование "согласный + гласный" [20, с. 13].

Приложение такого хода рассуждения к древнетюркскому руническому письму приводит к предположению, что пять знаков, о которых идет речь, на этапе слогового состояния письменности передавали слоги: 1) *ak*, 2) *äk*, 3) *okluk*, 4) *ök/ük*, 5) *yk*.

Четвертая загадка ДТРП – использование так называемых лигатур, т.е. знаков для консонантных кластеров (сочетаний согласных), о которых высказывались различные предположения, но чаще всего их объясняли как результат сращения двух графем (особенно в публикациях Османа Недима Туны) [6, с. 87; 7, с. 10, 12; 22].

Объяснение существования знаков для консонантных кластеров также может находиться в полном соответствии с гипотезой о слоговом характере ДТРП на одном из этапов ее эволюции. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что первым компонентом каждого из общепризнанных или предполагаемых кластеров, передаваемых якобы лигатурами, выступает сонант – *nt, lt, nč, rt(?)*. Если вспомнить, что среди перечисленных выше типов тюркских слогов имеется модель со структурой ГСС и что первым в составе тюркского консонантного кластера может быть только спирант или сонант, то оказывается вполне допустимым, что и "лигатуры" являются не чем иным, как бывшими силлабограммами, передававшими слоги: *ant, alt, anč, art(?)*.

Все, что было изложено в настоящей заметке, укрепляет идею о слоговом характере ДТРП. Правда, эта идея должна, как представляется, получить следующую более конкретную формулировку: в текстах тюркских рунических памятников обнаруживаются свидетельства того, что ДТРП в процессе эволюции проходила этап слогового состояния. К числу этих свидетельств относятся:

1. Явление консонантного дуэлизма, которое поддается объяснению как следствие того, что затронутые им 22 знака некогда были и в какой-то мере продолжали оставаться силлабограммами.

2. Наличие еще двух "консонантных" знаков ("*yk*", "*ič*"), функционирование которых

зависит от действия нёбной гармонии гласных и которые также допускают истолкование их в качестве настоящих или бывших силлабограмм.

3. Наличие пяти "вокалических" знаков, которые тоже могут трактоваться как силлабограммы.

4. Омографичность, наблюдаемая при передаче переднерядной гласной /ä/ и палатализованного аллофона согласной /b/, как возможное следствие перерождения силлабограммы, передававшей слог "äb", в две омонимичные фонемограммы.

5. Функционирование в надписях пяти знаков для согласной фонемы /k/, легко объяснимое в свете слоговой гипотезы.

6. Наличие знаков для 3-х или 4-х консонантных кластеров – вероятнее всего, следствие существования на этапе слогового состояния силлабограмм, репрезентировавших слоги типа ГСС.

7. Существование не только графем, представляющих слоги с широкими негубными гласными, но и таких, которые передают слоги с губными, а также с узкими негубными гласными.

8. Соответствие предполагаемых силлабограмм типологии тюркских слогов (ГС, ГСС).

9. Благоприятный характер морфонологических свойств тюркских языков для возможного формирования слоговой письменности.

В заключение необходимо отметить, что укрепление гипотезы о силлабичности тюркской руники на одном из этапов ее эволюции, наряду с наличием признаков перехода слогового состояния этой письменности в фонемное (буквенное), влечет за собой и упрочение гипотезы о ее автохтонности, в пользу которой автор настоящих строк имел возможность высказаться совместно с С.Г. Кляшторным в публикации, посвященной грамматологической и исторической проблематике происхождения ДТРИ [23].

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щербак А.М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // Тюркологический сборник 1970. М., 1970.
2. Clauson G. The origin of the Turkish "runic" alphabet // Acta Orientalia (Havniae) 1970. XXXII.
3. Аманжолов А.С. К генезису тюркских рун // ВЯ. 1978. № 2.
4. Лившиц В.А. Происхождение древнетюркской рунической письменности // СТ. 1978. № 4.
5. Сулейменов О. Грамматика буквы (К истории древнетюркского алфавита) // Изв. АН Каз. ССР. Сер. филол. наук. 1978. № 2.
6. Pritsak O. Turkology and the comparative study of Altaic languages: the system of the Old Turkic runic script // Journal of Turkish Studies. Türklük Bilgi Araştırmaları. 1980. V. 4.
7. Róna-Tas A. On the Development and Origin of the East Turkic "Runic" Script // Acta Orientalia Hungarica. 1987. T. 41(1).
8. Иванов Вяч.Вс. Тохары // Восточный Туркестан в древнем и раннем средневековьи. М., 1992. С. 29.
9. Томсен В. Дешифровка орхонских и енисейских надписей (перевод В. Розена) // ЗВО РАО. VIII. СПб., 1894.
10. Поливанов Е.Д. Идеографический мотив в формации орхонского алфавита // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. № 9. Ташкент, 1925. С. 179.
11. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960. С. 312, прим. 3.
12. Trubetzkoy N.S. Les systèmes phonologiques envisagés en eux-mêmes et dans leurs rapports avec la structure générale de la langue // Actes du deuxième Congrès international de linguistes. Genève, 25–29 août 1931. P. 121–122.
13. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 352.
14. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
15. Shorto H.L. The Interpretation of Archaic Writing Systems // Lingua. 1965. V. 14.
16. Thomsen V. Une lettre méconnue des inscriptions de l'épigraphie // Samlede Afhandlinger. Tredje Bind. København, MCMXXII. P. 83–91.
17. Щербак А.М. Памятники рунического письма енисейских тюрков // НАА. 1964. № 4.

18. *Le Coq A.V.* Köktürkisches aus Turfan // Sitzungsberichte d. Königl. Preuss. Akademie d. Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. V. 41. B., 1909.
19. *Sertkaya O.F.* Kağıda Yazılı Göktürk Metinleri // III. Sovyet-Türk Kollokyumu "Göktürk Anıtları (Dil, Edebiyat, Sanat, Arkeoloji, Tarih, Kültür)". 8-15 Haziran 1990. Alma-Ata. Kazakistan SSR. İstanbul, 1990.
20. *Дьяконов И.М.* Предисловие // Фридрих И. История письма. М., 1979.
21. *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. (Опыт систематизации). М., 1983. С. 96, 102-103.
22. *Tuna O.N.* Eski Doğu Türk Yazısında Kullanılan Ligatürler ve Bunlarla ilgili Bazı Meseleler hakkında // III. Sovjet-Türk Kollokyumu "Göktürk Yazıtları". Tebliğler. Malatya, 1990. S. 1-15.
23. *Гузев В.Г., Кляшторный С.Г.* Проблемы происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма. (К столетию дешифровки) // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. 1993. Вып. 4 (№ 23). С. 57-62.